

● Мир интеллигентного человека

ВСЕГДА НЕОЖИДАННЫЙ БУЛГАКОВ

МЫ ПОДОШЛИ к окну, пере-черкнутому, как в военные годы, двумя наклеенными на стекло бумажными полосками, и стали всматриваться в темноту, стараясь разглядеть, что же происходит внизу, на улице. А там уже ничего не происходило. В час ночи раздался глухой хлопок, и мы увидели, как приподнялась на мгновение крыша небольшого, примыкавшего к нашей гостинице дома, вздрогнула и осела почти вровень с тротуаром.

Превратившийся на наших глазах в груды щебня дом был последним зданием уже исчезнувшего к тому времени Охотного ряда — в этом доме помещалось «Стереонино». В ту ночь, а, может, чуть позже я написал:

Взрыв грохнул в час.

Затрепетали шторы.

Задребезжало жалобно

стекло...

И охнул мир,

И рухнул мир, который

Зарядами на щебенку

разнесло...

Неужными оказались бумажные полоски на окнах гостиницы «Москва». Взрыв потряс ее, а нас: весенней ночью 1969 года ушел из жизни еще один нусочек старой Москвы, ради встречи с которой мы и приехали тогда.

Накануне весь день мы, несколько ленинградских журналистов, бродили по московским переулкам и бульварам, заглядывали во дворы, заходили в подъезды домов. Путеводителем для нас были страницы романа «Мастер и Маргарита».

Вы помните, наверное, как спустя двадцать семь лет после смерти писателя, когда журнал «Москва» опубликовал «Мастера и Маргариту», Михаил Булгаков не просто поблизился к нам во времени. Он вошел в нашу жизнь, остался в ней. Еще вчера мало кто знал его в лицо, теперь мы узнавали его с первого взгляда по задумчивой улыбке, которая начиналась в уголках глаз.

Не сбившись и не запутав, мы прошли по Москве, следуя по страницам романа. Они ожили на Патриарших прудах, где впервые появился таинственный консультант, в доме на Садовом кольце, где когда-то обосновался Воланд со всей своей свитой. Из фантастической канвы романа зримо всплывали реальные черты города. Эта узнаваемость конкретного в нереальном, вымышленном поразила воображение. А тут еще ночной взрыв, так странно совпавший с нашей прогулкой по старой Москве, и с нашим настроением... С тех пор я не раз повторяю слова, вынесенные в заголовки этих записок: всегда неожиданный Булгаков. Многие годы меня станут преследовать удивительные совпадения. Уже наутро после взрыва со мной произошел совершенно невероятный, а, неведомый Булгакову, окажется каким-то магическим образом, а точнее — волею случая, упомянутым в завещании писателя. Но об этом позже, наберись терпения, читатель.

А сейчас лишь замечу: наверное, шутки ради можно было бы к слову помянуть и чертовщину, которую, улыбаясь, порой так охотно связывают с именем писателя. Но зачем?.. Не берусь научно объяснить природу совпадений. Знаю одно: когда речь идет о подлинном художнике, от всего, что он делает, к чему прикасается, веет такой загадочностью, что трудно удержаться от искушения и не попытаться найти в случайностях какую-то непостижимую, колдовскую закономерность.

ВПЕРВЫЕ прикоснувшись к Булгакову, я вскоре почувствовал, что он сам повел меня за собой: время от времени, когда начинал угасать азарт поиска, одаривал неожиданными находками. Потихоньку стал складываться у меня маленький архив, посвященный писателю, —

его жизни, творчеству. Пополнялся, рос, пока не наступил день, когда я понял, что ничего нового мне самому уже не найти. Тогда раздался телефонный звонок, и один из знакомых посоветовал встретиться с ленинградской писательницей Екатериной Михайловной Шереметьевой: «Поезжайте. Не пожалейте».

Через четверть часа — благо, до улицы Рубинштейна было рукой подать — я вошел в маленькую квартиру. Когда-то я читал повести и романы Екатерины Михайловны о далеких гимназических годах, об артистах балета. Теперь встретился с их автором... Мы заговорили о театре, о литературе и, конечно же, о Булгакове. Оказалось, что Екатерина Михайловна полвека назад была завлитом «Красного театра». Именно она по просьбе труппы отправилась в Москву, встретилась с Михаилом Афанасьевичем, уговорила его взяться за пьесу для их театра.

Шереметьева рассказала мне тогда, что переписывается с Любовью Евгеньевной Белозерской — женой Булгакова в двадцатые годы, писатель посвящал ей свои произведения, среди них и роман «Белая гвардия».

...Оказавшись в Москве, я сразу же поехал к Любови Евгеньевне. Белозерская и по сей день живет неподалеку от Новодевичьего монастыря, в современной пристройке к тому самому дому, где была их квартира с Булгаковым. Дверь открыла сухонькая маленькая женщина, окинула быстрым взглядом, пригласила из полутемной прихожей в комнату.

С Любовью Евгеньевной мне всегда легко и просто — мы виделись с тех пор не раз. Память ее хранит уму интереснейших деталей, подробностей. Обладая даром рассказчицы, Любовь Евгеньевна может из сколькими фразами вылепить образ и характер человека, о котором идет разговор. В написанных ею воспоминаниях есть строки о первой встрече с Булгаковым, его портрет: «Передо мной стоял человек лет тридцати—тридцати двух. Волосы светлые гладко причесанные на косой пробор. Глаза голубые, черты лица неправильные, ноздри глубоко вырезаны, когда говорит, морщит лоб. Но лицо в общем привлекательное, лицо больших возможностей. Я долго мучилась, пытаюсь сообразить: на кого же все-таки походит Михаил Булгаков. И вдруг меня осенило — на Шалапина!»

В ее комнате все напоминает о Булгакове. Фотографии на стенах, первые издания его книг, мебель, когда-то стоявшая в их квартире, — круглый раздвижной стол «сороконожка», сервант, причудливой формы диван-падь — любимец Булгакова по прозвищу «закорюнка».

После встречи с Белозерской заглянул я и в бывшую квартиру писателя — квартира шесть на первом этаже дома № 35-а по Большой Пироговской. У подъезда красовалась вывеска «Диспетчерская ЖЭК». Внутри, разумеется, все перестроено. Сохранились только ступеньки — две ступеньки вниз, в квартиру, и две ступеньки вверх, выходя из столовой. Именно здесь я впервые представил себе будущий музей-квартиру писателя.

После Москвы мне оставалось сделать то, о чем давно мечтал, — побывать в родном городе писателя, где прошли его детство и юность.

КИЕВ. Круто уходящий вниз, к Подолу, зигзаг Андреевского спуска. Развороченная, перекопанная булыжная мосто-

вая — идет благоустройство. Вскоре на доме Булгакова появится мемориальная доска. Дом двухэтажный, кирпичный. Это в нем жила большая семья Булгаковых, и здесь поселил писатель Турбиных. Моим путеводителем снова становится роман, на этот раз «Белая гвардия». В нем точно и ярко нарисован портрет и дома, и двора... А вот и узкая щель между домами, в которой Николка Турбин прятал коробку с пистолетом... Действительно, как ущелье...

И снова думал о том, как легко было бы по страницам романа воссоздать музей писателя. Размышлял об этом, поднимаясь по улице, и, конечно же, не мог предположить, что через несколько минут увижу прообраз такого музея. Но именно так и произошло...

— Вы ищете дом Булгаковых? — услышал негромкий голос.

Поднимаю голову. Довольно молодой человек выжидающе смотрит на меня.

— Дом я нашел, — отвечаю.

— Значит, вас интересует Булгаков?

— Очень.

Незнакомец задумался на минуту:

— Знаете что, поедем ко мне. Я покажу вам кое-что любопытное...

По дороге разговорились. Мой собеседник Анатолий Петрович Кончаковский, инженер одного из киевских заводов. Булгаковым занимается давно. И все же я не был готов к тому, что увидел, оказавшись гостем Анатолия Петровича, — в обычной квартире, не очень-то просторной квартире, одна из комнат отведена Булгакову. Его книги с дарственными надписями, его любимая настольная бронзовая лампа, другие вещи, подаренные А. Кончаковскому родными Михаила Афанасьевича. И еще великолепный альбом, в котором я увидел всю семью и друзей Булгакова, его самого — от первой детской фотографии до той, последней, сделанной незадолго до смерти...

Сегодня я знаю: немало людей, подобно киевскому инженеру, бережно собирают и хранят коллекции, связанные с жизнью и творчеством Булгакова. Появись музей писателя — они, не колеблясь, пожертвовали бы ему свои сокровища...

Отправляясь в Киев, я слышал, что одна из улиц его родного города носит имя писателя. С этим и обратился в киоск горсправки.

— Сейчас отыщу, — сказала невозмутимая киоскерша.

Она раскрыла свой толстенный гроссбух, полистала его, и я увидел вписанную от руки строчку: улица Булгакова. Трамвай оказался скоростным, но и на этой скорости я долго-долго добирался до далекой киевской окраины. Миновал вполне благоустроенные кварталы и очутился на огромном пустыре.

— Во-он там ваша улица, — подсказали мне попутчики, махнув в сторону новостроек.

Через полчаса я подошел к новому дому, еще пахнущему свежей краской, за ним поднимались два других здания. Вокруг — горы вывороченной земли. Вдали — старый Киев. А между ним и новостройками — остатки изб разрушенной деревни, брошенные сады, полужасыпанные пруды, рухнувшие заборы... Какой-то удивительный разлом времен, сродни творче-

ству писателя, чьим именем названа, но пока еще никак не обозначена только-только начинающая свою жизнь улица. Я нашел на земле кусок угля и написал на стене ближнего дома: улица Михаила Булгакова...

А ВОТ теперь расскажу о том, что было наутро после взрыва, разметавшего здание «Стереонино»... Я отправился на Новодевичье кладбище. Это потом я считаю: от ворот старого кладбища до могилы Булгакова семьдесят моих шагов. Потом узнаю, что черный с прозеленью поздравительный камень-надгробие, лежащий над Булгаковым, прежде был на могиле Гоголя — писателя, которого Булгаков обожал и к которому как-то (он сам написал об этом) обратился во сне со словами: «Учитель, укрой меня чугунной шнелью!»

Все это будет потом... А вот раз среди памятников, усыпанных цветами, я долго искал могилу — хотел найти ее сам. Нашел и расстроился: ни одного цветка. Вернулся к выходу, к цветочному магазину, принес, положил цветы, постоял немного и уже собрался уходить, как вдруг прозвучал тихий голос: «Молодой человек, подождите». Оглядываюсь: с маленькой скамейки, стоящей чуть дальше на тропке, поднимается пожилая женщина, подходит ко мне: «Простите, как вас зовут? Мне очень нужен ваш домашний адрес». «Зачем же он вам?» «Сейчас я не стану ничего объяснять. Поверьте, он действительно нужен».

Записала мой ленинградский адрес, телефон и, поблагодарив, пошла к выходу. А я все стоял, теряясь в догадках: кто это был, что все это значит?

Недели через две вдруг приходит из Москвы почтовый перевод. Иду на почту. Получаю деньги. От кого они? На бланке — ни слова... А затем раздался телефонный звонок: «С вами говорит Елена Сергеевна Булгакова...» Мне звонила жена и друг писателя, кто был с ним все последние годы... «Вы получили перевод? Да, его послала я, выполнила волю покойного Михаила Афанасьевича. Он был великим шутником и выдумщиком. Даже когда заболел, постоянно устраивал розыгрыши. В один из вечеров он позвал меня и сказал, что хочет составить завещание. Пусть в нем будут такие строки: человек, который придет к нему, Булгакову, после того, как будет опубликован роман «Мастер и Маргарита», придет в день, когда Михаил Афанасьевич смеет первый вариант рукописи романа, и положит цветы на могилу, — этот человек должен получить определенный процент гонорара от авторского... Конечно, это была его очередная, хотя и очень горькая шутка. Но я пообещала мужу и выполняю его волю. Вы оказались именно тем человеком».

...Я не знал, что мне делать с этими немалыми деньгами. Наконец, мы решили с отцом купить деревянный катер. Художник по моей просьбе нарисовал буквы. Мы вырезали их из латунной пластины и прикрепили к борту катера — огромные сверкающие золотом буквы — «Михаил Булгаков». А потом катер отправился в свое первое плавание — по Неве, по Фонтанке. Он шел мимо здания публичной библиотеки. Была весна, и у входа стояла большая очередь студентов. Увидев надпись на борту, они кинулись к набережной и долго аплодировали идущему по реке «Михаилу Булгакову».

Прошли годы. Теперь уже нет того катера. Со временем и он состарился. Остались на память лишь фотографии да буквы, снятые с его борта... Кто знает, может быть, они пригодятся когда-нибудь настоящему кораблю, который будет носить имя «Михаил Булгаков».

Владимир НЕВЕЛЬСКИЙ.
ЛЕНИНГРАД.